

Легкое чувство удушья кружило голову, заставляя чувства и разум тонуть в этом манящем плену. Пред глазами стояло лицо Дуань Чжо с плотно сомкнутыми веками, а в тишине комнаты отчетливо слышались звуки их глубокого поцелуя.

От этого звука лицо Цзи Мяня мгновенно вспыхнуло.

Пальцы невольно вцепились в пальто Дуань Чжо. Ему хотелось остановиться, хотя бы на миг прийти в себя, но рука брата уже крепко обхватила его за талию, а другая, придерживая за затылок, не давала ни малейшей возможности отстраниться.

Влажный звук переплетающихся губ, сдержанный стон Дуань Чжо и прерывистые вздохи, вырывавшиеся из собственного горла... Уши Цзи Мяня заалели, дышать становилось всё труднее. Сознание окончательно помутилось, растворяясь в дурмане страсти.

Когда он немного пришел в себя, то обнаружил, что Дуань Чжо уже прижал его к сухой постели, пропахшей свежим бельем. Рюкзак и куртка были кем-то брошены на пол, но Цзи Мянь совершенно не помнил, когда это произошло.

Отрезвление пришло лишь тогда, когда он почувствовал обжигающе горячую ладонь Дуань Чжо, скользнувшую под свитер.

— М-м... — рука, блуждающая по талии и груди, вызвала на коже зудящую дрожь. Дыхание юноши внезапно участилось. — Не надо...

Через несколько секунд Дуань Чжо перестал целовать его, давая краткую передышку. Вцепившись пальцами в простыни рядом с Цзи Мянем, он, почти стиснув зубы, дал тому шанс передумать:

— Если хочешь сбежать — сейчас самое время.

— Сбежать? — Цзи Мянь тяжело дышал. На его губах поблескивала влага, а взгляд подернулся туманной дымкой. Он растерянно переспросил: — Сбежать... от чего?

Дуань Чжо пристально смотрел на него несколько секунд, а затем глухо произнес:

— Теперь уже не сбежишь.

Он снова накрыл губы Цзи Мяня поцелуем. Но когда он попытался углубить его, юноша внезапно отвернулся.

Дуань Чжо замер, всё его тело напряглось. Казалось, скажи Цзи Мянью сейчас «нет», и он тут же встанет и уйдет.

— ...Не люблю запах табака, — прошептал Цзи Мянью, запрокинув голову. В мягком свете ночника изящная линия его шеи и ключицы казались почти вызывающе манящими.

На самом деле, табачный привкус во рту Дуань Чжо был едва различим, да и сами поцелуи вовсе не вызывали отвращения. Но Цзи Мянью не хотел мириться даже с этим крошечным изъяном. Интуиция подсказывала ему, что сейчас он может не сдерживаться. В этот момент этот человек должен был во всём слушаться его.

Вернее сказать, еще долгое время старшему брату придется ему подчиняться.

После недолгого молчания Дуань Чжо хрипло ответил:

— Тогда не будем целоваться.

Вместо губ он принялся покрывать поцелуями его шею, ключицы, щеки и кончик носа, оставляя на бледной коже нежно-алые отметины. Несколько раз он порывался коснуться губ юноши, но, вспомнив про его «не люблю», вынужден был обходить запретную зону.

В последующие два часа Цзи Мянью осознал, насколько странно всё воспринимается, когда поцелуи не заглушают остальные звуки. Он отчетливо слышал собственный голос — прерывистый, тонкий, почти срывающийся. Цзи Мянью и представить не мог, что способен издавать нечто подобное.

Ему было невыносимо стыдно, но реакция Дуань Чжо от этого становилась лишь яростнее.

На середине пути Цзи Мянью вдруг стало неуютно. Всё тело казалось липким, и в нём внезапно проснулась былая брезгливость.

— Брат... Мне не нравится, что я грязный. Хочу в душ.

Дуань Чжо, чьи мышцы были напряжены до предела, воспринял эти слова как смертный приговор. Он ответил почти мгновенно:

— Нельзя. — Помолчав, он добавил более низким голосом: — Позже.

Цзи Мянью не знал, когда наступит это «позже». Он лишь помнил, что прошло еще очень много времени, прежде чем обещание было выполнено.

Шторы в спальне не были задернуты, и солнце в десять утра легко пробивалось сквозь ткань, заливая комнату светом. Сознание Цзи Мяня медленно возвращалось из забытья, он нехотя открыл глаза.

Кто-то сидел на краю кровати, заслоняя собой свет. Дуань Чжо, одетый в тонкий серый свитер, явно уже успел умыться и привести себя в порядок. Он сидел вполоборота, не сводя с юноши глаз.

Стоило Цзи Мяню проснуться, как он тут же встретился с ним взглядом. Интересно, как долго брат за ним наблюдал? Разве смотреть на спящего человека — это так весело? Цзи Мянь молча подтянул одеяло повыше, закрывая половину лица.

В глубине глаз Дуань Чжо теплилась мягкая улыбка. Заметив, что юноша проснулся, он едва заметно изогнул уголок губ:

— С добрым утром.

Он никогда раньше так с ним не здоровался. Лицо Цзи Мяня мгновенно обдало жаром.

Почему его брат вдруг стал вести себя по-другому?

Пальцы Дуань Чжо, лежавшие на покрывале, дернулись, словно он хотел коснуться лица Цзи Мяня, но по какой-то причине он сдержался.

— Брат, ты... когда проснулся?

— Я и не засыпал.

— О-о...

— Проголодался?

— Немного.

Дуань Чжо еще некоторое время пристально разглядывал его.

— После вчерашнего... тебя что-нибудь беспокоит? Со здоровьем всё в порядке?

— Всё хорошо.

Дуань Чжо помедлил.

— Тогда... тебе понравилось?

Цзи Мянью осекся и плотно сжал губы. Ему показалось, что брат только ради этого вопроса и затеял весь разговор. Боже, как он может... Как он может быть настолько...

В голове Цзи Мянью крутилось одно слово, которое идеально подходило нынешнему Дуань Чжо. Бесстыжий. Ему не хотелось так о нём думать, но другого определения он не находил.

Случайный взгляд упал на мочки ушей Дуань Чжо — они были ярко-красными. Цзи Мянью замер, осознав: оказывается, его брат тоже умеет смущаться.

Спустя мгновение он произнес:

— Я хочу встать.

Дуань Чжо сидел перед ним при полном параде, тогда как сам Цзи Мянью был совершенно наг под одеялом. От этого становилось неловко.

Дуань Чжо подошел к шкафу, достал одежду и, прежде чем протянуть её Цзи Мянью, вполне сознательно спросил:

— Тебе помочь?

— ...Не нужно. Брат, ты не мог бы отвернуться?

Дуань Чжо опустил глаза и, явно неохотно, развернулся спиной. Цзи Мянью быстро натянул верх, но с остальным возникли трудности. Превозмогая тянущую ломоту в бедрах, он через пару минут всё же спустился с кровати и обошел Дуань Чжо.

— Ты куда? — спросил тот.

— Умыться. — Цзи Мянью даже не взглянул на него. Он скрылся в ванной и быстро запер дверь, опершись руками о раковину.

Глядя на свое отражение в зеркале, он почувствовал облегчение, словно спасся от какой-то опасности.

Это так странно...

Цзи Мянью прижал ладонь к бешено колотящемуся сердцу. Он боялся даже смотреть Дуань Чжо в глаза, чувствуя, что в их теплой глубине скрыт какой-то непреодолимый водоворот.

Еще вчера, сидя в поезде, Цзи Мянью ломал голову над тем, как поздороваться с Дуань Чжо при встрече. А сегодня утром они проснулись в одной постели, и он слышит, как тот с улыбкой желает ему доброго утра. Их отношения изменились слишком стремительно, всего за одну ночь.

Цзи Мянью закусил губу, чувствуя, как трудно к этому привыкнуть. Это был результат его сиюминутного порыва, и он сам не понимал, почему вчера всё казалось таким естественным? Почему он не ощутил ни тени сопротивления?

Но жалел ли он? Пожалуй, нет.

В замкнутом пространстве ванной, вдали от Дуань Чжо, Цзи Мянью начал понемногу приходить в себя. Случайный взгляд упал на душевую лейку за стеклянной дверью, и он мгновенно вспомнил: вчера они мылись здесь вместе...

Тело снова обдало жаром. Он поспешно отвернулся и открыл кран, плеская в лицо холодную воду, чтобы хоть как-то охладиться.

Когда Цзи Мянью вышел, Дуань Чжо сидел на краю кровати и тут же обернулся на звук. Их взгляды встретились. Цзи Мянью растерянно моргнул:

— Брат?

Почему он продолжает так на него смотреть?

Кадык Дуань Чжо дернулся. Он уже начал жалеть, что встал так рано: иначе этот юноша сейчас не стоял бы перед ним, а лежал в его объятиях.

Цзи Мянью, еще хранивший воспоминания о недавней близости, прекрасно понимал, о чём тот думает. Он немного помолчал и тихо проговорил:

— Сейчас только... утро.

Для Дуань Чжо эти слова прозвучали как еще одно приглашение. Он смотрел на него в упор,

но не двигался. Цзи Мянью чувствовал, что брат хочет встать и обнять его, но почему-то медлит.

Точно так же, как Дуань Чжо проснулся ни свет ни заря и сел рядом, уже полностью одетый. Он чего-то опасался...

Цзи Мянью вдруг вспомнил ту ночь в начале зимы — объятие, которое он задолжал, и промокшую насквозь одинокую спину брата, которая потом так часто являлась ему в снах. Он словно снова оказался в том вечере, когда ледяной ветер врывается в горло сквозь едва приоткрытые губы, причиняя боль.

Очнувшись от раздумий, Цзи Мянью неосознанно подошел к Дуань Чжо. Он стоял перед ним, и Дуань Чжо, сидящему на кровати, приходилось даже немного задирать голову.

В их отношениях инициатива с самого начала принадлежала Цзи Мянью. Именно он наделял Дуань Чжо властью над собой, в том числе и в событиях прошлой ночи. Стоило ему захотеть, и он мог бы прекратить всё прямо сейчас, списав случившееся на досадную случайность.

Дуань Чжо не просто медлил — он ждал дозволения, безмолвно ожидая вердикта: оправдания или смертной казни.

Осознание этого отозвалось в груди Цзи Мянью тупой болью. Он наклонился и первым обвил руками шею Дуань Чжо. В ту же секунду его талию стиснули сильные руки брата.

Дуань Чжо прижался губами к его уху.

— Цзи Мянью.

— Угу.

— Ты не жалеешь?

Цзи Мянью высвободил одну руку и положил ладонь на плечо и грудь брата. Чуть отстранившись, он заглянул в его глубокие, полные тревоги глаза. Ощувив под пальцами, как часто и мощно бьется сердце Дуань Чжо — тот действительно нервничал, — Цзи Мянью мягко вдохнул.

Он опустил голову и запечатлел на губах брата нежный поцелуй.

— Нет, брат. Никогда не жалел.

<http://bllate.org/book/15358/1422676>